

Анастасия Вербицкая

Поздно

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Поздно

Аннотация

«В это жаркое июльское утро Павел Дмитриевич Звягин, доканчивая свой туалет, сопел и обливался потом больше обыкновенного. Гроза собиралась три дня. К полудню всякий раз небо покрывалось лилово-серыми тучами, но ветер, поднимая целые вихри пыли и яростно потрепав верхушки деревьев, летел дальше, унося грозу. Чувствовалась тоскливая напряжённость, удручавшая нервы. И даже флегматичному Павлу Дмитриевичу было не по себе, когда он вспоминал, какая томительная духота ждёт его в правлении, где все эти дни служащие бродили как умирающие осенние мухи. Захватив шляпу и крылатку, он подошёл к жене, которая проснулась, и поцеловал её тёмную голову...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Вербицкая

Поздно

I

В это жаркое июльское утро Павел Дмитриевич Звягин, доканчивая свой туалет, сопел и обливался потом больше обыкновенного. Гроза собиралась три дня. К полудню всякий раз небо покрывалось лилово-серыми тучами, но ветер, подняв целые вихри пыли и яростно потрепав верхушки деревьев, летел дальше, унося грозу. Чувствовалась тоскливая напряжённость, удручавшая нервы. И даже флегматичному Павлу Дмитриевичу было не по себе, когда он вспоминал, как томительная духота ждёт его в правлении, где все эти дни служащие бродили как умирающие осенние мухи. Захватив шляпу и крылатку, он подошёл к жене, которая проснулась, и поцеловал её тёмную голову.

– Какая дурацкая манера будить, когда я всю ночь не спала! – раздражённо крикнула Лизавета Николаевна, поворачиваясь к мужу спиной.

– Извини, Лиля; я не знал, – пробормотал муж и на цыпочках пошёл вниз, бережно притворяя за собой все двери. На террасе дачи он сказал двум девочкам, которые кинулись ему на шею. – Не будите маму; она не спала всю ночь...

– Гроза будет, я тоже не спала, – нервным голосом сказала бледная хорошенькая гувернантка, наливая Звягину кофе.

Только уходя, он вспомнил, что забыл наверху портсигар.

– Я принесу, папа, хочешь? – вызвалась Маня, кумир Звягиных, хорошенькая тринадцатилетняя девочка, вылитая мать.

Он испуганно замахал на неё руками.

– Нет, не надо. Маму разбудишь... Я куплю на станции.

Он терпеть не мог покупных папирос, но ни за что не решился бы потревожить бедную Лилию, не спавшую всю ночь. По дороге он поцеловал трёхлетнего бутузика Мишу, игравшего песком на дорожке, и робко сказал надутой няньке: «Глядите, чтоб он себе глазки не засыпал», на что нянька, по обыкновению, сердито фыркнула и показала барину спину.

– Вы что же без зонтика? Ведь, гроза будет, – крикнула ему вслед гувернантка.

Она была немножко равнодушна к этому красивому соколалетнему толстяку. Павел Дмитриевич крякнул, остановился, но, вспомнив, что зонтик остался в спальне, махнул рукой и зашагал к станции.

Уже дети позавтракали и ушли в парк, и солнце бросало отвесные лучи, когда Лизавета Николаевна поднялась. Она, правда, не спала всю ночь, горя и тревожно мечась по подушке, а когда муж ушёл, она вынула из кармана блузы письмо, полученное ею накануне.

«Возврата нет, – писал Маевский. – К чему же

бороться? Разве этот вечер не доказал тебе твоё бессилие? Целый год отчаянной борьбы не спас тебя от минутного порыва, который отдал тебя в мою власть... Верь, Лиза: то, что захватило нас, сильнее человеческой воли...

О, какая ночь! Я всё ещё полон тобою, я не могу спать... Как прекрасен был твой порыв! Но он прошёл теперь, и ты спишь спокойно... Ясно ли для тебя теперь, почему я не воспользовался минутой твоей слабости?

Я слишком люблю тебя, Лиза. Мне не нужны ни эта слабость ни порывы твои, которые кончаются жгучими упрёками и слезами раскаяния. И, наконец, Лиза, я сам слишком горд, чтобы довольствоваться ролью тайного любовника. Ты мне нужна, но сознательно, добровольно, *вся, без раздела и без раскаяния*...

Ты плакала нынче. Тебе тяжело лгать. Но и я сам не хочу лжи. Скажи это твоему мужу. Он, кажется, не отделяет меня от толпы пошляков, окружавших тебя эти годы, и которых он привык презирать. Скажи ему, что в моей любви нет для тебя оскорбления, так как я отдаю тебе всё моё будущее, которым дорожу. Не скрывай от него, что я зову тебя на новую жизнь. Или, лучше, позволь мне объясниться с ним, если ты согласна... Но неужели же ты передумаешь ещё раз, Лиза? Мне страшно.

Когда мы прощались, в твоём лице было что-то трагическое. Я вспомнил это, и вот мне жутко... *Молю тебя, уезжай*... Этот голос так и звенит в ушах... Да, я был прав, не поверив твоему порыву. Твоё

последнее слово всё-таки было *уезжай*... Это после таких ласк и поцелуев! Как будто я тебе враг! Ах! Какая горечь закипает в душе!.. Да, Лиза!.. Исход нужен, и скорее! Я не могу работать, я не могу жить в таком страшном напряжении, как весь этот год. Но неужели же нет другого выхода, кроме разлуки? Лиза, подумаем вместе, ещё раз, в последний... Если ты велишь мне уйти, я покорюсь. Переведусь в Петербург или другой город, где могу работать; жизни себя не лишу. Зачем мне насиловать твоё решение угрозами? Скажу даже больше: лет через пять я, наверное, женюсь и буду, быть может, доволен судьбой. Ведь, нет утраты, с которой нельзя было бы примириться. Но примирение не есть ещё счастье, Лиза. И я никогда тебя не забуду. Я хорошо предугадал роль, которую ты сыграешь в моей жизни. Мы – дети века – слишком стары для своих лет, чтобы тешиться иллюзиями. Я убеждён, что в душу человека весна приходит только раз. Кому в юности, кому в тридцать лет... а кому и позднее. Всё остальное в жизни – лишь жалкая попытка воскресить первое впечатление, разбудить весенние грёзы... Этой весной была ты.

Помнишь, я говорил тебе, что ты и сейчас моложе меня душой? Я слишком скоро сторю. И мне обидно сгореть без тебя, моя милая Лиза!

Не поставь мне в вину, что я не даю клятвы любить тебя вечно. Быть может, я делаю сейчас огромную ошибку. Но ложь мне претит. Да и ты слишком умна, чтобы не понять тщету всех подобных обещаний. Но –

в этом я могу смело поклясться – никогда я не заставлю тебя раскаяться и пожалеть о сделанном шаге.

Ты всё твердишь, что разрыв с мужем убьёт его, что тебе его жаль... А меня? Он отдал тебе жизнь и любил беззаветно. Да. Но разве это заслуга? Ты так хороша, и ты сама платила ему столько лет той же любовью и верностью. Вы квиты. Пятнадцать лет безоблачного счастья! И тебе его жаль? Женская логика... Ведь, все эти факты говорят только за меня. Виноват ли я, что родился десятью годами позже и не встретил тебя свободной? Разве это мешает мне любить тебя глубоко и страстно? И почему ты знаешь, что я не буду тебе верен и предан, как и твой муж? Быть может, и я окажусь достойным мантионовской премии за добродетель?

Лиза, прости эту жёлчную выходку! Но мне слишком больно. Я устал бороться с твоими *призраками*. Ведь, жизнь так коротка, и счастья в ней так мало!

Ещё один вопрос – дети. Здесь я чувствую своё бессилие. Ты – мать. Разлуки с ними я не смею требовать и не хочу. Я убеждён, что муж отдаст тебе двух младших детей и не станет в лице их мстить тебе. За что? Разве живое чувство можно втиснуть в рамки мёртвого учреждения? Маню пусть оставит у себя! Она меня не терпит. А главное – через три года она будет взрослой, и присутствие её будет нас стеснять.

Кончаю. Чувствую, что повторяюсь и что многое забываю сказать! Но я как в горячке. Завтра ты получишь это письмо. Что вызовет оно в твоей изменчивой, сложной душе, которую я всё-таки не

сумел овладеть? Пощадишь ты меня, или пожертвуешь мной, дорогой, жестокий метафизик? Не думай, что мне легко, если я шучу. В моих глазах слёзы... Мне себя жаль, так мучительно жаль того жара души, что на долю каждого отпущено так скупой судьбой, а на мою, быть может, всего меньше. Победа хороша, если она покупается дорогой ценой. А если нет победы? Если я разбит наголову?.. Лиза, мне страшно!.. Пожалей меня!

Жду ответа. Скорей, скорей!..»

Лизавета Николаевна поднялась с трудом. Всё тело её было разбито. Она, худощавая и стройная в свои тридцать шесть лет, отличавшаяся всегда грацией и затаённой силой во всех движениях, в это утро чувствовала себя развалиной. У неё хватило силы ровно настолько, чтобы перейти комнату и сесть за туалетный стол. Её пушистые, прекрасные тёмно-каштановые волосы, блеснувшие золотом на солнце, упали густыми прядями по плечам. Она взяла ручное зеркальце и долго-долго гляделась в него, изучая с тревогой и грустью своё лицо. Письмо Маевского лежало перед ней.

Он зовёт на новую жизнь. Ах! Если бы вернуть теперь десять лет, как смело протянула бы она ему руку! Но их не вернёшь... Она глядела на себя, не отрываясь, как на чужую женщину, которую видела в первый раз. Да, она не даром боялась разницы лет между ними. От бессонной ночи кожа пожелтела. Красивые глаза ввалились, синева окаймляла их широким кольцом. На низком лбу, под беспощадно-откровенными лучами солнца, резко отделялись две морщинки,

появившиеся впервые лет пять назад, когда стало вдруг ясно, что жизнь идёт под гору. Вот и эта горькая складочка у ярких губ... Она появилась тоже недавно... «Что он нашёл в этом измятом лице?» – вдруг спросила она себя почти вслух. Испугавшись такого вывода, она попробовала улыбнуться, но вышла жалкая гримаса.

А между тем, никогда, даже в двадцать лет, красота Лизаветы Николаевны не достигала такого расцвета, как за последние годы. Это зависело от её настроения. Яркий блеск глаз, манящая и грустная улыбка, вздрагивающий нервно голос, порывистость движений – всё это как бы говорило: «Я хочу жить! Полною, жгучею жизнью, всеми фибрами моего я!...» Вот какую увидел её Маевский, вот какую она была перед ним весь этот год! Она ему казалась пламенеющей зарёй уходящего жаркого дня, той чудной минутой, полной захватывающей тоски и поэзии, когда чувствуешь, что с этими багряными лучами, пожаром охватившими небо, исчезнет день, померкнут краски, умрут мотыльки, и ночь бесшумно пойдёт, неся с собой покой и смерть.

Лизавета Николаевна выпрямилась, и глаза её блеснули. Вздор!.. Эта усталость сменится возбуждением, и она опять будет молода и интересна. С приливом энергии она схватила гребень, чтобы создать одну из тех оригинальных причёсок, какие Маевский называл «поэмами»... И вдруг ей представилась такая картина:

Утро, такое же яркое и жизнерадостное. Солнце льёт та-

кие же ослепительные лучи. Маевский и она спят вот в этой спальне, рядом, оба пресыщенные месяцем-двумя безумной страсти... Он проснётся раньше, облокотится на подушку и посмотрит на неё критическим взглядом, какой она за этот год не раз ловила на себе с леденящим страхом. Он будет холодно и долго изучать это лицо спящей женщины, со всеми природными недостатками и изъянами времени. Ах! Эти минуты сна, когда человек беззащитен от насмешки, когда он доверчиво даёт читать в своих чертах всю изнанку душевной жизни, которую, проснувшись, искусно прячет от постороннего глаза! Кто знает?... Видя это помятое лицо женщины, измученное бурною жизнью – лицо, не озарённое духовной красотой и огнём чувства, так подкупившего его, – не спросит ли он себя с разочарованием: «И когда она успела состариться? Ведь, она совсем стара»...

Потом... она проснётся в испуге, взглянет в его глаза и прочтёт в его бесстрастном лице свой приговор...

Рука Лизаветы Николаевны так сильно дрогнула, что длинная прядь волос осталась на гребне. Закусив губы, она стала нетерпеливо развёртывать папильотки.

Ах! Вот эта ещё мелочь!.. Всё мелочи, конечно, но из них складывается жизнь... Ей вспомнилось, как долго ещё после замужества, влюблённая страстно в худощавого тогда и стройного Павла Дмитриевича, она ждала, когда он заснёт, чтобы завить волосы, потому что завитки на лбу очень шли к ней. Но в папильотках она боялась показаться смешной сво-

ему ненаглядному Полю. Ночи её были тревожны; она боялась проснуться позже мужа, и часто во сне бессознательно срывала папильотки, чтоб быть хорошенькой и кудрявой при его пробуждении... Ах! Как далеко это время! По мере того, как тускнело её чувство к мужу, из страстного любовника давно обратившегося в усталого и доброго супруга, Лизавета Николаевна распускалась, забывала кокетничать и стесняться, чувствуя, что она неизменно дорога этому доброму толстяку, больная ли, в домашней блузе, старившаяся и скупающая, безразлично... В новой жизни, которую ей предлагал Маевский, для неё опять начнутся тревожные ночи, заботы о красоте, о поддержании свежести, жизнь начеку, как на сторожевом посту, с вечным страхом, что нельзя дать себе покоя. А то не увидишь, как подкрадутся, в предательской тьме, уныние, бессилие, старость, разочарование...

Горькая складочка у губ обозначилась резче; между тёмных бровей легла поперечная чёрточка, и в ней, действительно, было что-то трагическое... Звягина расчесала пушистые букли, взглянула в зеркало и – вдруг тихо крикнула, и гребень выпал из её рук. На тёмном фоне кудрявых завитков резко белела целая прядь серебристых волос.

Она сидела, широко открыв глаза, как бы оцепенев. Седые волосы... Первые седые волосы... И если б ещё один! Что же это? Конец, что ли? И в какую минуту? Когда письмо Маевского, облитое её слезами и смятое безумными поцелуями, ждало ответа. О, какая ирония! Она заломила руки... И где

же причина? Одна неделя душевного разлада, одна бессонная ночь... А дальше-то что? Если разрыв с семьёй, угрызения совести? А там, в этой загадочной и жуткой дали, куда она боялась заглядывать, и где ждут её неизбежное охлаждение Маевского, муки ревности, его новые увлечения, её бессильные слёзы и позднее сознание непоправимой ошибки?.. Ведь, один год такой жизни сделает её старухой. Да, вот он, ответ!.. «Поздно!»

Лизавета Николаевна захватила лицо руками и с отчаянием зарыдала.

Как часто за эти шесть лет она гляделась в зеркало и думала: «Вот состарюсь, будут седые волосы... уже скоро, близко»... И её охватывал ужас. Каждый новый год она встречала с горечью. В дни рождения плакала втихомолку и радовалась, если муж забывал её поздравить. С чем? Как это глупо! Человек разрушается, а всё-таки делает весёлое лицо, зовёт гостей, и все к нему тянутся с торжественными речами, с бокалами вина... Явилось новое и такое странное чувство мучительного недоумения: на что ушла молодость? И почему она в семнадцать лет казалась ей бесконечной? А, ведь, жизнь так коротка!.. Оглядываясь назад, она поражалась однообразием последних восьми лет. Ни одного яркого события! Дниходили один на другой как мёртвые, жёлтые листья, упавшие на дорогу. И так прошли годы. Чем они были полны? Трудно сказать... Мелочи, мелочи, мелочи... И ни одного воспоминания... Яркие только первые впечат-

ления, когда она, избалованная успехами девушка, вышла, против воли всех родных, за бедного красавца Звягина, тогда ещё тоненького и стройного. О, как помнит она эту жгучую прелесть первых дней сближения, мир новых ощущений, подъём и поэзию чувства!.. Оно горело так ярко, что отблеска его хватило, чтобы согреть их души долго-долго после, целые пять лет!.. Была нужда, были горести и дразги, да... Случалось, что кухарка, выпив и взбунтовавшись, убежала, не дорубив котлет и требуя немедленного расчёта. И в дни такого междуцарствия прекрасная Лизавета Николаевна надевала фартук и принималась стряпать, с грехом пополам. Случалось, что няньки не было, и Лизавета Николаевна обмывала ребятишек и ползала с ними на полу, забавляя их, подлезала под рояль и столы. Ели на сале; на дачу никогда не ездили, довольствуясь бульваром; жили в крохотной квартирке... Лизавета Николаевна всё выносила безропотно. Она говорила себе: «Пробьёт четыре, вернётся Польша, всё будет опять ярко и хорошо!..» В его ласках и страсти она видела свою законную награду за скуку и пошлость жизни. Десять лет она прожила отшельницей, между детской и кухней, не тяготясь этим, не ища ничего, кроме общества Поля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.